

его материалом. Эта новая мысль не была Тихонравовым достаточно развита и осталась не замеченной ни рецензентами, ни последующими исследователями. Так, в издании Я. Малашева в 1871 году «„Слово о полку Игореве“. Поэтический памятник русской письменности XII века» снова повторяется старая мысль о «вымыслах Бояна», о том, что автор отказывается начинать песню по плану бояновскому, потому что Боян «прибавлял к своим песням много вымышленного, небывалого, а наш певец собирается рассказывать... по действительным событиям своего времени».¹

В 1875 году П. П. Вяземский опубликовал отдельным изданием в расширенном виде свой труд «Замечания на „Слово о полку Игореве“», частично опубликованный ранее Временником Московского общества истории и древности. По мнению этого исследователя, автор «Слова» хорошо знал («изучал») и Гомера и греческую литературу. Вяземский утверждал, что под Бояном автор «Слова» подразумевал Гомера, а во фразе «начати же ся тѣй песни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню» он видел борьбу «между классическими воспоминаниями и требованием века, озаренного христианским учением»,² т. е. по существу возвращался к старой, шишковской точке зрения.

Среди различных домыслов Вяземский справедливо указал на то, что во вступлении говорится не только о стиле произведения, но и о его содержании. Заключительной частью вступления он считает слова: «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ старого Владимира... за землю Руськую». Эту заключительную часть он комментирует следующим образом: «Заключение, что песнь о Игоре должна начаться согласно с духом времени, протекшего от Старого Владимира. Из содержания песни видно, что певец здесь обещает говорить о междоусобиях, губивших Россию от смерти Владимира Мономаха до Игоря Святославича».³ Но мысль эта не была последовательно проведена через анализ всего вступления. Она промелькнула и затерялась среди огромной аргументации в пользу основной идеи Вяземского о греческом влиянии на автора «Слова».

В 1877 году вышла книга Вс. Ф. Миллера «Взгляд на „Слово о полку Игореве“». Ее автор рассматривал «Слово» как подражание литературным образцам — воинским повестям византийско-болгарского происхождения. Уже во вступлении он видел подтверждение своей гипотезы: «В языке и складе произведения (форме) автор считает приличным следовать воинским повестям, но содержание его повести должно быть исторически верно, должно соотноситься с событиями (былинами) и не уподобляться замыслам поэта Бояна».⁴

С Миллером полемизировал А. А. Потебня,⁵ который в том же году выступил с собственными комментариями к «Слову о полку Игореве». В противовес Миллеру, видевшему в «Слове» только византийско-болгарское влияние, Потебня подчеркивал связь «Слова», произведения, по его словам, «личного и письменного»,⁶ с устным народным творчеством. Потебня не соглашался с Миллером и в вопросе о вступлении, считая, что оно посвящено выбору между поэтической и прозаической формой.

В 80-х годах прошлого столетия (1887—1889 годы) вышел в свет капитальный труд Е. В. Барсова «Слово о полку Игореве как художествен-

¹ Я. Малашев. Слово о полку Игореве. Поэтический памятник русской письменности XII в. М., 1871, стр. 100.

² П. П. Вяземский. Замечания на «Слово о полку Игореве». СПб., 1875, стр. 9.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Вс. Ф. Миллер. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877, стр. 180.

⁵ А. А. Потебня, ук. соч.

⁶ Там же, стр. 1.